

Е. Б. ВЕСЕЛАГО

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ ЛАОНИКА ХАЛКОКОНДИЛА

(Опыт литературной характеристики)

«История» Лаоника Халкокондила в подлиннике не сохранилась. Дошедшие до нас списки с нее были изучены Евгением Дарко. Результаты этих исследований были опубликованы им во вступительной части к его изданию сочинения Халкокондила¹.

Все изученные им рукописи Дарко разделяет на четыре семьи²:

Рукописи первой семьи

A Vaticanus Palatinus 266	15/16 в.
F Vaticanus Gr. 158	1551 г.
S Parisinus reg. Gr. 1729	1540 г.
P Parisinus reg. Gr. 1726	1544 г.
B Bodleianus Canonic. Gr. 80	16 в.
L Laurentinianus Gr. Pl. LVII, Cod. 8	конец 15-го в.
Q Parisinus reg. 1727	15 в.
H Vaticanus Palatinus Gr. 396	1575 г.
U Tubiginsis Mb 11	16 в.
C Coislianus Gr. 314	конец 15-го в.
R Parisinus reg. Gr. 1728	16 в.
I Vaticanus Palatinus in folio	15/16 в.
G Vaticanus Gr. 159	1544 г.
N Vaticanus reg. Christ. (ol. Petav.) Gr. 103	16 в.
X Neapolitanus III, B. 25	начало 16-го в.
E Escorialensis F 1—12	1543 г.

Рукописи второй семьи

M ₁ Monacensis Gr. 307a	начало 16-го в.
Z Parisinus reg. Gr. 1781	16 в.
V Parisinus reg. Gr. 1780	16 в.
M ₂ Monacensis Gr. 150	1567 г.
T Parisinus reg. Gr. 1799	1579 г.

Рукописи третьей семьи

M Monacensis Gr. 127	1548 г.
O Bodleianus Gr. Roe XII	конец 15-го в.
D Vaticanus Gr. 1732	16 в.

Рукописи четвертой семьи

Y Ashburnham 998	конец 15-го в.
K Ottobonianus 309	16 в.

¹ Laonici Chalcocondylae Historiarum Demonstrationes emend. E. Darkó. Budapestini, 1922, p. V—XXVI.

² Ibid., p. XIII.

В основу этого деления он кладет два признака: во-первых, наличие или отсутствие у рукописей общего заглавия, во-вторых — характерные особенности чтения.

К первой семье рукописей Дарко относит прежде всего самые старые и наиболее полные из дошедших списков, а именно: *Vaticanus Palatinus* 266(A), *Laurentianus Gr. Pl. LVII, Cod. 8 (L)* и *Coislianus Gr. 314(C)*. Их взаимная связь определяется как отсутствием в тексте общего заглавия при наличии заглавия отдельных книг, так и особенностями чтения.

Общее заглавие, написанное более поздней рукой, впервые встречается на полях списков А и Н. С течением времени в списках, происшедших от А, это заглавие переходит уже в самый текст, что имеет место в *Vaticanus Gr. 158 (F)* и *Parisinus reg. Gr. 1729 (S)*, происшедших от А, а также в *Parisinus reg. Gr. 1726 (P)* и в *Bodleianus Canonic. reg. Gr. 80 (B)*, ближе всего примыкающих к S.

К первой семье надо причислить и рукописи *Parisinus reg. Gr. 1728 (R)* и *Vaticanus Palatinus (I)*, происшедшие от С. Кроме них — *Parisinus reg. 1727 (Q)* и *Vaticanus Gr. 396 (H)*, происшедшие от L, а также *Tubiginis Mb. 11 (U)*, являющийся копией Н. К этой же семье относятся *Vaticanus Gr. 159 (G)*, *Neapolitanus III B. 25 (X)* и *Vaticanus Reg. Christ. (ol Petav.) Gr. 103 (N)*, которые хотя прямого отношения к спискам этой семьи и не имеют, однако «ведут свое происхождение от общего с ними источника через промежуточные неизвестные или утерянные списки»³.

Вторую семью рукописей составляют те, у которых, кроме заглавий отдельных книг, имеется и общее заглавие, причем не перешедшее с полей, а входящее в текст как его составная часть. От общего заглавия рукописей второй семьи отличается заглавие входящего в нее списка M_2 и несомненно близкого к нему списка T. Относящиеся к этой же семье M_1 и Z имеют одинаковые варианты чтения, обозначают лакуны пустым интервалом и имеют указания на окончание глав. Очень вероятно, что от рукописи Z произошел список V, но по вине переписчика в нем появились расхождения с Z. Вообще же, несмотря на близость списков второй семьи, они связаны между собой не столь тесно, как рукописи первой. Промежуточное положение между двумя первыми семьями занимает *Escorialensis F 1—12 (E)*. По различиям он примыкает к первой семье, по наличию общего заглавия, стоящего перед текстом, — ко второй. Может быть, E происходит от первой семьи, но общее заглавие получил таким же образом, как списки, происшедшие от А.

К третьей семье рукописей Дарко относит те, в которых некоторые места текста уже сильно отличаются от обычного изложения. К этим рукописям относятся *Bodleianus Gr. Roe XII (O)*, *Vaticanus Gr. 1732 (D)* и *Monacensis Gr. 127 (M)*. Особенно много искажений в D и M. Они или допущены переписчиками, или, вернее, почерпнуты из другого какого-либо неизвестного нам списка, находившегося в родословной между первой после архетипа исправленной книгой и кодексами D и M. У всех кодексов третьей семьи имеется общее, входящее в основной текст, заглавие, одинаковое с M_1 , Z, V.

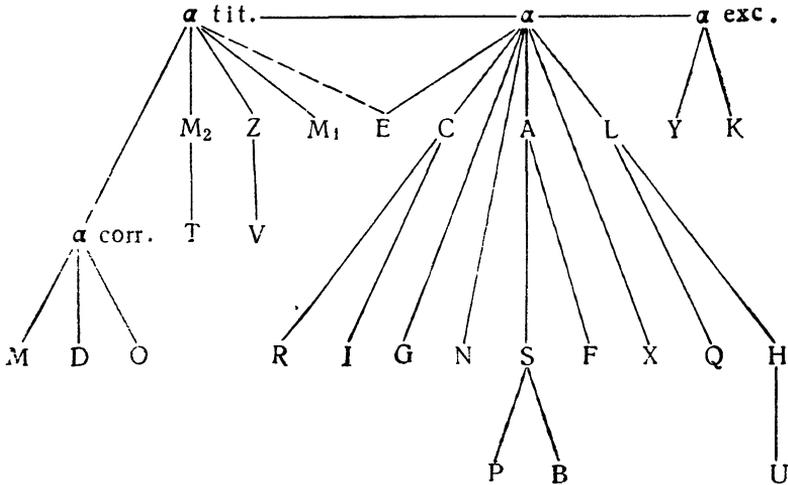
К четвертой семье относятся рукописи *Ashburnham 988 (Y)* и *Ottobonianus 309 (K)*. Они содержат не весь труд Лаоника, но только избранные части, а именно относящиеся к истории Афин. Как в выборе, так и в размере частей Y и K полностью совпадают. Самый древний экземпляр этих списков потерян. Эти кодексы чтением собственных имен и замет-

³ Laon. Chalc. *Historiarum Demonstr.*, emend. E. Darcó, p. IX.

ками на полях настолько отличаются от остальных, что не могут происходить ни от них, ни от их источников.

Соотношение всех этих списков Е. Дарко графически представляет в виде следующей схемы:

Архетип

«История» Лаоника Халкокондила была издана впервые приблизительно через 60 лет после смерти автора, но не в подлиннике, а в латинском переводе Конрада Клаузера⁴. Этот латинский перевод, в котором встречается много ошибок, неизменно повторялся при каждом новом издании «Истории» Халкокондила.

Греческий текст был издан впервые в 1615 г.⁵ В основу этого издания положены три рукописи Палатинской, в настоящее время Ватиканской библиотеки⁶, однако с критической точки зрения они были использованы недостаточно удовлетворительно. Неудовлетворителен был и аппарат: в нем мало разночтений и они прибавлены к тексту, а не вынесены за его пределы.

За Editio princeps 1615 г. следовало издание, входящее в Парижский корпус⁷. В нем использованы новые рукописи Парижской библиотеки, одной из которых был Parisinus reg. 1727 (Q), что доказывается тем, что в аппарате парижского издания дается заглавие, присущее только этой рукописи. Второй рукописью, использованной в парижском издании, был или Parisinus reg. Gr. 1780 (V), или почти одинаковый с ним Parisinus reg. (Z). Следующее издание, сделанное в 1729 г. в Венеции⁸, повторило парижское. Позднее Беккер, несколько подправив текст, поместил его в Боннском корпусе⁹. В 1866 г. это издание было повторено в Патрологии Миня¹⁰.

⁴ Laonici Chalcocondylae De origine et rebus gestis turcorum. Conrado Clausero Tigurino interprete. Basiliae, 1556. Повторено в 1562 г.

⁵ Laonici Chalcocondylae Editio princeps Graece et Latine curante J. B. Vaumbachio. Genevae, 1615.

⁶ Vaticanus Palatinus 266 (A), Vaticanus Palatinus Gr. 396 (H), Vaticanus Palatinus (I).

⁷ Laon. Chalc. Historiarum Demonstr. Curavit. C. Fabrotus. Parisiis, 1650.

⁸ Laon. Chalc. Historiarum... Ed. C. Fabrotus. Venetiis, 1729.

⁹ Laon. Chalc. Historiarum... Ex recogn. I. Bekkeri. Bonnae, 1843.

¹⁰ Laon. Chalc. Historiarum... PG, t. 159, col. 13—556.

Последнее, современное, издание «Истории» Халкокондила, на которое мы уже ссылались, осуществлено Евгением Дарко, много лет работавшим над исследованием этого труда.

Из большого количества кодексов (26) Дарко выбрал для своего издания лучшие рукописи первых трех семей, причем те, которые содержат труд Лаоника полностью. Кодексы четвертой семьи издатель не привлекал вообще. Из первой семьи в издании использованы три наиболее старые рукописи: Coislianus Gr. 314 (С), Parisinus Vaticanus 266 (А) и Laurentianus (L), причем А и L использованы полностью, а С — частично.

Из второй семьи использована самая лучшая рукопись — М₁. Из рукописей третьей семьи полностью использован М, частично — О. В ходе работы выяснилось, что коренной текст во всех кодексах не всегда был передан правильно. Кое-где эти неточности были исправлены в свое время предшествующей критической работой других издателей, но оставалось немало еще сделать в этом отношении. При установлении текста Дарко больше учитывал манеру письма Лаоника, чем авторитетность того или другого списка. Учел он и оставшиеся неопубликованными работы Тафеля и Нуссера, сделанные ими в 1855—1856 гг. Общая ценность издания Дарко неизмеримо выше всех предыдущих. Она заключается, прежде всего, в том, что его издание является критическим изданием в современном смысле. Аппарат богат, исправлены ошибки предшествующих издателей, особенно в личных именах и географических названиях. Особую ценность имеют обстоятельные данные о рукописях, сообщаемые в предисловии. С внешней стороны издание выглядит хорошо. Оно разделено на два тома, каждый из которых содержит по пяти книг «Истории».

Первые переводы «Истории» Халкокондила были сделаны на латинский¹¹ и французский¹² языки. Отдельные отрывки были переведены на венгерский¹³ и немецкий¹⁴. Что касается полных переводов, то французские, во-первых, написаны на совершенно устаревшем французском языке, а во-вторых, не удовлетворяют минимальным требованиям, предъявляемым к научному переводу. Переводчик делает по своему усмотрению добавления, поясняющие, по его мнению, текст автора, говорит о своем отношении к описываемым событиям и т. п. В латинском переводе Конрада Клаузера при всех его недостатках таких «вольностей» мы не найдем. Но и в нем есть много искажений, много неправильно понятых мест, много пропусков. Поэтому пользоваться им при работе над текстом Халкокондила не следует.

Когда именно была написана «История», пока не установлено. Некоторое указание на этот счет имеется у самого Халкокондила. Во вступительной части своего труда¹⁵ Халкокондил высказывает надежду, что опять наступит такое время, когда в «Элладе» будет править царь, «эллин» по происхождению, и вся страна будет управляться по законам предков.

¹¹ См. прим. 4. Повторено: *Corpus historiae universae praesertim Byzantinae. Lutetiae, 1567. Historiae Byzantinae scriptores tres. Genevae, 1615; Coloniae Allobrogum, 1615. Parisiis, 1650; Venetiis, 1729; Bonnae, 1843. PG, vol. 159, p. 13—556.*

¹² Blaise de Viginère. Paris, 1577 и позже. Arthus Thomas. Paris, 1620. E. de Mezeraу. Rouen, 1660.

¹³ Gy. Szigeti-Mikas, in: *Magyar történelmi olvasó Könyv., I, 1905, p. 155—163; p. 171—182.*

¹⁴ K. Dieterich. *Byzantinische Quellen zum Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1912, S. 2.*

¹⁵ Laon. Chalc. *Atheniensis Historiarum libri decem, ex recogn. I. Bekkeri. Bonnae, 1843, p. 4.3.*

Эти слова прямо указывают на то, что в то время, когда Халкокондил начал писать «Историю», царя-грека у «эллинов» больше не было и страна управлялась не по своим, а уже по чужим законам. Это могло быть только после смерти Константина XI. Следовательно, 1453 год будет *terminus post quem*. Начал свою работу Халкокондил до 1466 г., так как он говорит о тевтонских рыцарях, как о еще занимающих Пруссию¹⁶. Труднее определить, даже приблизительно, дату окончания «Истории». Последнее (хронологически) упоминаемое в ней событие относится к 80 годам¹⁷. Наличие лакун, неотделанных мест и т. п. указывает на то, что «История» осталась неоконченной. Это скорее всего объясняется смертью автора в конце 90-х годов¹⁸.

Вопрос об источниках «Истории» еще не изучен. В отношении Геродота, Ксенофонта, Фукидида, знакомство с которыми Халкокондила несомненно, речь может идти только о лексических и стилистических заимствованиях, вполне закономерных у средневекового греческого автора, пишущего на «классическом» греческом языке.

Основную характеристику источников и метода своей работы над ними сам Халкокондил определяет следующими словами: «В этой истории записано то, что видел и слышал в своей жизни Лаоник Афинянин»¹⁹. И далее: «В интересах истины я сообщу, конечно, в этой истории достоверные сведения обо всем, что произошло тогда во вселенной, и не только в мое время и чему я сам был свидетель, но и все остальное, тщательно проверив его правдоподобность и узнав кроме того мнение о нем самых разумных людей»²⁰.

Следовательно, для событий, очевидцем которых он был, основным источником являются наблюдения самого Халкокондила. Для событий, которые он не видал, автор довольствуется своими предположениями и рассказами людей, которым доверяет. Приводя то или иное свидетельство, Халкокондил пользуется определенными словами и выражениями, как, например: я сам знаю, я не знаю, я узнал, услышал, рассудил; другие утверждают, говорят и т. п.

Наиболее часто употребляется формула «говорят» в ряде ее вариантов λέγεται и т. п., φασί и т. п.). Преобладание именно этой формулы на протяжении всего труда, хотя и реже встречающейся к концу, указывает на то, прежде всего, что устная традиция, тщательно проверенная²¹ и продуманная²² автором, была одним из важнейших источников Халкокондила.

Основная масса сведений (70 случаев), сообщаемая под этой рубрикой (λέγεται и т. п.), относится к туркам (58 случаев) и к тесно связанному с ними рассказу о Тимуре (12 случаев). Обращает на себя внимание и тот факт, что из 70 случаев употребления формулы «говорят» в применении к «турецкой» тематике 62 раза это выражение встречается в первых трех книгах, т. е. в рассказе о событиях до начала XV в. Только восемь раз употреблено оно в остальных семи книгах. Термин φασί встречается при рассказе о событиях, относящихся к туркам, — в 1, 2 и 3 книгах — 14 случаев употребления. В остальных семи — 3 случая. События, относящиеся к Тимуре: в 1, 2 и 3 книгах — 3 случая. В остальных семи — ни одного.

¹⁶ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 132.4.

¹⁷ Войны Матвея Корвина.

¹⁸ Bibliotheca Graeca, ed. J. A. Fabricius, vol. VI. Hamburg, 1790—1809, p. 474.

¹⁹ Laon. Chalc. Historiarum... , p. 3.1.

²⁰ Ibid., p. 4.7.

²¹ Ibid., p. 27.8; 36.3 etc.

²² Ibid., p. 36.3; 76.19; 108.16.

О событиях, относящихся к разной тематике: в 1, 2 и 3 книгах — 10 случаев. В остальных семи — 4 случая. Все это дает основание утверждать, что устная традиция использована Халкокондилом достаточно широко, что она в основном связана со сведениями, относящимися к туркам, и использована главным образом в рассказе о событиях, происшедших до XV в. Уменьшение после третьей книги ссылок на устную традицию, в частности относящихся к истории турок, нельзя объяснять отъездом Халкокондила из областей, занятых турками. Наоборот, обилие фактов, сообщаемых в «Истории», при уменьшении ссылок на устный источник указывает на то, что Халкокондил жил в гуще событий и не нуждался в сведениях из вторых рук.

Наряду с тем, что «говорят», Халкокондил упоминает и о том, что он «слышал». Сведений, сообщаемых под этой рубрикой, немного. Какой-либо яркой картины в смысле специфики содержания они не дают. Интересно, что свою самую категорическую формулу, а именно «я знаю» и «я не знаю», Лаоник Халкокондил употребляет, говоря 1) о происхождении и расселении албанцев (один раз)²³, 2) об имени древних турок (один раз)²⁴, 3) о происхождении, расселении и языке славян²⁵ и турок²⁶ (семь раз). В других случаях — три раза. Следовательно, самая категорическая формула употреблена Халкокондилем применительно к вопросам этногенеза, распространения и языка разных народов. Это дает основание считать, что такие вопросы занимали видное место в его научных интересах и что именно в них он считал себя особо компетентным.

Довольно часто встречается формула «я узнал», «мы узнали»²⁷, но тематика сведений, передаваемых после нее, весьма разнообразна и трудно поддается систематизации. Однако и здесь заметен интерес к вопросам расселения народов.

Большое значение придает Халкокондил обоснованному доказательству. Это особенно заметно там, где речь идет о происхождении славян²⁸ и албанцев²⁹, что опять подчеркивает интерес Халкокондила к такому роду вопросов.

Когда Халкокондил говорит о вещах, ему недостаточно известных, он употребляет целый ряд выражений, как, например: «не могу доказать», «не могу определенно сказать», «нельзя определенно утверждать», «как думают некоторые», «кажется» и т. п. В этих случаях Халкокондила, передавая то или другое сведение, колеблется признать его за правильное, но считает нужным все же довести до сведения своего читателя. Тематика таких сведений очень разнообразна. Но интересно, что среди них нет сведений о расселении народов или об особенностях их языков.

Таковы в основном выражения, указывающие на отношение автора «Истории» к некоторым из имеющихся там сведений.

Что касается связей Халкокондила с другими источниками, то этот вопрос еще подлежит изучению. Халкокондил мог пользоваться материалами как ранее писавших, так и современных ему историков. Однако он ни на кого не ссылается, хотя связь его, например, с Критовулом и Сфрандзи несомненна. В связи с этим интересно указание Моравчика³⁰ на аноним-

²³ Laon. Chalco. Historiarum. . . , p. 27.8.

²⁴ Ibid., p. 9.10.

²⁵ Ibid., p. 35.10; 36.10; 34.22 etc.

²⁶ Ibid., p. 15.15; 100.2; 11.11; 66.11 etc.

²⁷ Ibid., p. 534.13; 29.5; 26.8.

²⁸ Ibid., p. 35.11.

²⁹ Ibid., p. 27.8.

³⁰ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Budapest, 1942, p. 242.

ную хронику Ватиканского архива. Хроника относится к XVI в. и пока еще не издана. Она охватывает период с 1373 по 1512 год. Начало и конец ее потеряны. Рассказ хроники очень подробен до 1463 г. Это заставляет предположить, что для этого периода хронист использовал и более подробный источник. Текст хроники настолько близок к тексту Халкокондила, что ее можно было бы рассматривать как частичное переложение «Истории» Халкокондила или как извлечение из нее. Однако наличие в этой хронике многих подробностей, отсутствующих у Халкокондила, заставляет предположить, что Халкокондил и автор анонимной хроники скорее всего воспользовались одним и тем же источником.

Какое заглавие дал Халкокондил своей «Истории», нам неизвестно, так как подлинник ее не сохранился. Как мы уже говорили, ряд рукописей первой семьи, в число которой входят самые ранние, никакого общего заглавия не имеет. Такое заглавие впервые появляется в А, а затем в Н, где оно, сделанное более поздней рукой, стоит не в основном тексте, а на полях и имеет следующую форму: «Николая Халкокондила летопись о том, откуда произошли властители турок, об их делах и подвигах вплоть до подвигов великого властителя Мехмеда»³¹. В рукописях второй семьи это заглавие стоит уже в основном тексте даже самых старых из известных нам экземпляров этой семьи³². Особое заглавие стоит перед текстом в Q, а именно: «Лаоника Халкокондила история царей-агарян, т. е. отоманов»³³. В рукописях Y и K, содержащих материал только по истории Афин, общее заглавие имеет форму — «Об Элладе»³⁴. Таким образом, рукописная традиция хотя и сохранила нам заглавие, но позднейшее и не строго соблюдавшееся на протяжении столетия (с конца XV до конца XVI в.), в которое переписывалась «История».

Основная причина такой неустойчивости заглавий заключается в характере самого архетипа. На основании того, что самые ранние и наиболее полные рукописи первой семьи не имеют общего заглавия, а самые ранние списки второй его имеют, можно заключить, что в архетипе общего заглавия или не было вообще, или оно было написано безусловно не рукой автора. Однако поскольку в рукописях второй семьи общее заглавие имеется, необходимо признать, вместе с Дарко, что в общем источнике обеих семей оно все-таки было, но что оно не принадлежало самому автору. Переписчики ранних рукописей первой семьи не сочли возможным включить его в свои списки, как это сделали переписчики второй. Заглавия отдельных глав, очевидно, в общем источнике обеих семей были, поскольку в рукописях этих семей они сохранены.

Появление заглавия, попавшего в первое латинское издание Халкокондила³⁵, а оттуда перешедшего во всю научную литературу и характеризующего «Историю» Халкокондила именно как историю турок, можно поставить в связь со следующим фактом. На полях той же самой рукописи А, где впервые появляется общее заглавие, имеется указание на то, что в 1553 г. эта рукопись принадлежала Иоанну Баптисту Игнацию, автору исторического сочинения «О происхождении турок». Не сам ли Игнаций написал на полях принадлежащей ему рукописи А заглавие, сделавшее из исторического сочинения Халкокондила историю турок?

Появление установившегося заглавия объясняется еще и тем, что в XV—XVI вв. проявлялся повышенный интерес западного мира к народу,

³¹ Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. E. Darkó, p. IX.

³² Ibidem.

³³ Ibid., p. XXV.

³⁴ Ibid., p. XXV: περί τῆς Ἑλλάδος.

³⁵ То есть в издании К. Клаузера (см. прим. 4).

имевшему для него такое значение. Кроме того, «Описание дел и подвигов» современных «героев» отвечало потребности эпохи искать великое не только в событиях прошлого, но и в событиях современности.

Сам характер труда Халкокондила тоже дает некоторое основание для появления такого заглавия. Говоря о содержании своего труда, он упоминает о делах и могуществе турок. Однако не это, как увидим, он старался особенно подчеркнуть в своей «Истории».

Хорошо подметил несоответствие укоренившегося названия общему содержанию труда переписчик *Monacensis Gr. 150 (M₂)* Антоний Калосинас. Список, сделанный им, носит другое заглавие: «Николая Халкокондила Лаоника летопись о гибели всей Эллады и других делах, происшедших в Италии, Испании, Германии и Паннонии, и о подвигах турок до времен властителя их Мехмеда»³⁶. Это заглавие ставит на первое место уже не историю турок, а события в Греции и других странах.

«История» Халкокондила начинается словами — «В этой истории записано то, что видел и слышал в своей жизни Лаоник Афинянин».³⁷ Это вступление очень напоминает вступления античных авторов³⁸.

Называя себя по месту своего рождения «афинянином», Лаоник следует в этом отношении античной традиции, которая, однако, со временем стала нарушаться: авторы стали указывать во вступлении только свое личное имя³⁹, иногда указывая при этом, что они были «очевидцами» описываемых ими событий⁴⁰. У более поздних писателей появляется и стойко держится указание на принадлежность автора к той или другой социальной группе или на занимаемую им должность⁴¹. Называя место своего рождения, Халкокондил, таким образом, возвращается к традициям ранних «вступлений» и дает основание предполагать, что он не занимал никаких должностей.

Вместе с тем, называя себя «афинянином», Халкокондил как бы подчеркивает свою особую связь с афинянином Фукидидом.

Халкокондил отчетливо представлял себе цель своей работы.

В отличие от Критовула, который стремился воспеть не воспетые еще на греческом языке⁴² подвиги Мехмеда и получить за свое усердие награду⁴³, Халкокондил считал своей основной задачей сохранить для потомства события минувших времен. В этом он сходится со Сфрандзи, который тоже хотел, чтобы его «История» жила, чтобы «ее голос, как голос глашатая, звучал через все века»⁴⁴.

³⁶ Antoine Calosynas. *Vie des Chalcocondyles d'Athen. Chroniques Graeco-Romanes inédites ou peu connues, publiées par Charles Hopf.* Berlin, 1873, p. 237.

³⁷ Laon. Chalc. *Historiarum...*, p. 3.1.

³⁸ Например, «Нижеследующее изыскание представляет Геродот Галикарнасский...» Геродот Клайо, т. I, кн. I, гл. 1. Пер. Ф. Г. Мищенко. Москва, 1885.

«Фукидил-афинянин написал историю войн...» Фукидил. *История Пелопонесской войны*, кн. I, гл. 1. Пер. Ф. Г. Мищенко, Москва, 1887.

³⁹ «Дюн говорит, что он старался написать все...» Dio Cassius. *Historia Romana*. Cur. Lud. Dindorf, vol. I. Leipzig, 1890, p. I.

⁴⁰ «Но Георгий был большей частью очевидец событий...» Георгий Пахимер. *История о Михаиле и Андронике Палеологах*. Изд. СПб. Духовной Академии, т. 1, гл. 1. СПб., 1872, стр. 2.

⁴¹ Например, «Я, Анна, порфирородная...» Анна Комнина. *О делах господина царя Алексея Комнина*. Изд. СПб. Духовной Академии, гл. 1. СПб., 1859.

«Георгий Сфрандзи, бывший протовестиарий, а потом монах Григорий...» Phrantzes. *Annales. Vonnae*, 1838, p. 5.

«Я, Критовул, глава имбриотов...» Critobulus. *De rebus gestis Mechemetis II*. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, vol. V, pars prior. Parisiis, 1883, p. 54.

⁴² Critobulus. *De rebus gestis...*, p. 52.

⁴³ Ibid., p. 53.

⁴⁴ Phrantzes. *Annales*, p. 5.

Что касается самого содержания исторического произведения, то византийские писатели XV в. по-разному понимали задачу историка.

Например, Георгий Сфрандзи, ближе всех историков XV в. стоявший к политической жизни своего времени, подчеркивает, что в своем труде он будет писать о Палеологах, их царствованиях, их семейных делах, о войнах в Пелопоннесе, о деспотах и т. п.⁴⁵

Ренегат Критовул делает содержанием своего труда события первых семнадцати лет царствования Мехмеда, перечисляя, но не объединяя их по какому-либо принципу, кроме хронологического⁴⁶.

Совсем другое мы находим у Лаоника. Кратко формулируя свою тему, он пишет: «Я говорю о гибели, постигшей державу эллинов, и о достижении турками силы, больше которой не бывало»⁴⁷. И дальше Халкокондил уточняет: «Мы расскажем как можно точнее, как все это произошло, как понемногу гибло дело греков, сокрушаемое турками, как турки достигли силы, которая до настоящего времени все увеличивается»⁴⁸. Осознанная так тема показывает, что Халкокондил глубже других подошел к своей задаче. Среди отдельных событий — войн, столкновений, среди всего того, что происходило на его глазах в течение его долгой жизни, он сумел увидеть самое главное: гибель своей страны и торжество ее победителя. Эту тему он дополняет темой гибели самостоятельности других народов⁴⁹, героически сопротивлявшихся туркам.

Таким образом, основным содержанием труда Халкокондила является борьба народов юго-востока Европы, а отчасти и Азии за свою независимость от турок.

Изложение этой темы дается в сплетении с целым рядом вставок⁵⁰, оправданных⁵¹ и неоправданных⁵² отклонений. Отсюда — многочисленные повторения⁵³ или, напротив, забегание вперед с последующим возвращением к прерванному рассказу⁵⁴. Поэтому композицию всего труда нельзя признать удачной.

Однако если учесть, что автор затронул в своей «Истории» огромное количество событий, стран, народов, что он отдал в ней дань и новелле, во вкусе эпохи⁵⁵, и приключенческому рассказу⁵⁶, то становится понятным, что обилие материала захлестнуло его и что ему очень трудно было установить в нем необходимую последовательность. «История» Халкокондила превратилась в громадное произведение, где множество разных событий дополняет основную тему борьбы, освещая ряд этнических, политических и географических вопросов.

Самым слабым местом в «Истории» Лаоника является полное отсутствие в ней хронологических данных. Считают⁵⁷, что причину этого следует

⁴⁵ Phrantzes. Annales, 5.1.

⁴⁶ Critobulus. De rebus gestis... , p. 53.

⁴⁷ Laon. Chalc. Historiarum... , ed. I. Bekker, p. 4.1.

⁴⁸ Ibid., p. 9.4.

⁴⁹ Ibid., p. 29.17.

⁵⁰ К ним относятся, например, описания отдельных стран (Франции — p. 85.8—92.7, Англии — p. 92.8—96.15, Венеции — p. 193.20—199.11 и др.), «новеллы» (Смерть Ладислава, p. 268.5—269.21; рассказ о Гуниади, p. 370.8—373.13 и др.), легенды и т. п.

⁵¹ Ibid., p. 18.18—20.18; 27.1—14; 77.17—21 etc.

⁵² Ibid., p. 17.8—20.9 etc.

⁵³ Ibid., p. 52.14—17.20—22 и 46.6—12, 20—47.20 etc.

⁵⁴ Ibid., p. 96.15 etc.

⁵⁵ Ibid., p. 268.5—269.21.

⁵⁶ Ibid., p. 370.8—373.13.

⁵⁷ E. D'arkó. Zum Leben des Laonikos Chalkokondyles. BZ, 24, 1923—1924, S. 29—39.

видеть в неоконченности всего труда. Такое объяснение едва ли достаточно. Вставлять даты в написанное уже произведение не проще, чем делать это в какой-то мере сразу, тем более что лакун для последующего проставления дат крайне мало. Какие-то даты, хоть изредка, должны были все-таки включаться в текст в процессе его письма. И в том, что у Халкокондила нет ни одной даты, надо видеть определенное желание не ставить их вообще. Описывая такое громадное количество событий, происходящих на таком большом пространстве, Халкокондил, естественно, не всегда мог давать точные даты. Стремясь же, по его словам, к наибольшей точности, Халкокондил предпочел лучше совсем не давать дат, чем сообщать сомнительные или заведомо неверные. Поэтому, вероятно, он и ограничился самыми общими и почти ничего не дающими выражениями вроде «после этого», «это произошло позднее» и т. п.

Что касается изобразительных средств, которыми пользуется Халкокондил, то они не очень богаты. В первую очередь это относится к языку.

«История» Халкокондила написана, как он сам говорит, на «эллинском»⁵⁸ языке. Автор много трудился, чтобы проникнуть в особенности языка Фукидида и Геродота, но в полной мере сделать ему это не удалось: стиль его ниже классического. В нем нет ясности, много анаколупов, брахеологий и т. п., создающих большие трудности для понимания. Очевидно, выбор соответствующих выражений затруднял Халкокондила: часто попадаются излюбленные слова, повторяются однообразные обороты. Попытка Халкокондила воскресить «эллинский» язык коснулась, главным образом, внешней стороны и сказалась в употреблении старых слов и старых форм, но запас слов мал и построение предложения в целом однообразно.

Основная работа, посвященная языку Лаоника Халкокондила, принадлежит Ф. Ределю⁵⁹. Он установил наиболее часто встречающиеся у Халкокондила синтаксические конструкции, отметил неправильное употребление лаклонений, неправильное употребление частицы ἄν. Но если Халкокондилу и не удалось в совершенстве овладеть «эллинским» языком в смысле использования синтаксических особенностей классического греческого языка, то он постарался восполнить этот пробел за счет лексики, что сказалось не в богатстве словарного материала, а в его подборе и в упорном сохранении старых названий. На всем протяжении «Истории» Халкокондил неизменно называет русских — сарматами, сербов — трибалами, болгар — мисянами, боснийцев — иллирийцами, французов — галатами, татар — скифами, Константинополь — Византием и т. д. Турецкий султан у него βασιλεύς, его паши ἡγεμόνες, янычары νεήλυδες. За счет архаизации надо отнести и употребление dualis'a.

Лексические заимствования достаточно глубоко проникли в язык Халкокондила. Редель отмечает заимствования турецкие⁶⁰, латинские⁶¹, славянские⁶².

Во всех полных списках «Истории» имеются две интерполяции. По поводу них было высказано мнение⁶³, что это или текст, данный самим автором, забывшим перевести его на литературный язык, или что это сырой

⁵⁸ Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 4.13.

⁵⁹ F. Rödél. Zur Sprache des Laonikos Chalkokondyles und des Critobulus aus Imbros. München, 1905. Много ценных сведений о языке Халкокондила имеется в работе Е. Дарко.

⁶⁰ Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 225.1, 514.14, 230.4 etc.

⁶¹ Ibid., p. 278.13, 293.6 etc.

⁶² Ibid., p. 53.11.

⁶³ K. Güterbock. Laonikos Chalcocondyles. Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, Bd. IV, Berlin, 1910, S. 44.

материал для последующей обработки. Что интерполяции не принадлежат основному тексту — ясно, так как разъединенные ими части тесно связаны между собою по содержанию. Язык интерполяций совершенно чужд языку Халкокондила, на что обратил внимание уже переписчик, сделавший соответствующие пометки на полях⁶⁴.

Одним из основных изобразительных приемов Халкокондила являются «речи». Часто прибегая к этой форме изложения, он пользуется ею и для характеристики своих героев. В этом он следует скорее примеру Фукидида, чем Ливия или Плутарха, у которых «речи» в значительной мере использованы как украшающий все произведение элемент⁶⁵. Действительно, явной тенденции к украшению всего произведения в «речах» Халкокондила незаметно. В них отсутствуют громкие фразы, сравнительно мало риторики, столь свойственной византийским авторам, особенно более ранних эпох. Встречающиеся в речах трудные для перевода места надо прежде всего отнести за счет подражания построению — весьма сложному — речей у Фукидида, затем за счет общей недостаточной свободы владения языком и лишь отчасти — за счет риторики.

В «речах» Халкокондила прежде всего обращает внимание их эпическое спокойствие, их невозмутимость. Изложение почти равнодушное. Почти нигде автор не высказывает своего отношения к содержанию «речи». Несомненно, что такая «объективность» не способствует силе впечатления, но мы постоянно сталкиваемся с ней у Халкокондила.

В большинстве случаев «речи» содержательны. Они не вклиниваются искусственно в текст, они связаны с ним и иногда даже значительно теснее, чем некоторые другие места изложения. «Речи» Халкокондила как бы вытекают из создавшейся обстановки и в свою очередь влияют на дальнейшее развитие событий⁶⁶. «Речи» произносят разные лица. В большинстве это речи султанов⁶⁷ и их пашей⁶⁸, речи греков, главным образом защитников того или другого города⁶⁹, значительно реже — греческих императоров⁷⁰. Встречаются речи послов⁷¹, военачальников разных народов⁷², речи родственников, выступающих в защиту своих близких⁷³, речи крестьян⁷⁴, речи женщин⁷⁵. Размеры речей не одинаковы. Иногда длинные⁷⁶, иногда короткие⁷⁷, иногда переходящие в форму диалога⁷⁸, они не теряют при этом своего «речевого» характера. Тематика их разнообразна. Одни речи имеют целью поднять дух воинов, призывая их к бою⁷⁹, другие — привлечь на свою сторону солдат⁸⁰ или переманить врагов⁸¹. В речах

⁶⁴ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 462, 497.

⁶⁵ G. Voigt. Das Wiederleben des klassischen Alterthums. Bd. II. Berlin, 1859, S. 442.

⁶⁶ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 309.11, 310.8, 311.20, 335.10 etc.

⁶⁷ Ibid., p. 40.1, 43.21, 308.20.

⁶⁸ Ibid., p. 310.8, 311.20, 454.20 etc.

⁶⁹ Ibid., p. 563.14 etc.

⁷⁰ Ibid., p. 395.13.

⁷¹ Ibid., p. 366.12, 333.1, 507.21, 552.5 etc.

⁷² Ibid., p. 525.2, 545.19, 553.20.

⁷³ Ibid., p. 402.7, 491.15.

⁷⁴ Ibid., p. 372.4.

⁷⁵ Ibid., p. 289.18, 106.13.

⁷⁶ Ibid., p. 409.19—411.10, 545.19—551.7.

⁷⁷ Ibid., p. 422.17, 372.3, 533.1.

⁷⁸ Ibid., p. 48.10.

⁷⁹ Ibid., p. 40.1, 392.7.

⁸⁰ Ibid., p. 43.22.

⁸¹ Ibid., p. 40.1.

выражается благосклонность⁸², угроза⁸³, обвинение⁸⁴, заносчивость⁸⁵, доблесть⁸⁶, трусость⁸⁷. Есть речи, произнесенные на военном совете⁸⁸, речи, носящие дипломатический характер⁸⁹. В речах часто излагаются условия сдачи, условия мира⁹⁰. В них говорится о личных выгодах⁹¹, о домашних делах⁹². Наконец, в форме речей передаются легенды⁹³.

К форме диалога Халкокондил прибегает чрезвычайно редко. Настоящим диалогом можно считать только одно место, а именно беседу Мурата с Хоратином⁹⁴. Другие отрывки, написанные в форме диалога, чрезвычайно кратки.

На протяжении всего труда Лаоника Халкокондила встречаются отдельные отрывки в виде самостоятельных, законченных по своему содержанию, рассказов. Их появление иногда органически вытекает из контекста, как, например, рассказ⁹⁵ «Бегство Гуниади»⁹⁶ или рассказ «О виновных ягодах»⁹⁷. Иногда отдельные рассказы приводятся в качестве примеров, поясняющих ранее изложенную мысль⁹⁸, но чаще всего они служат простым продолжением предшествующего изложения⁹⁹. Некоторые из вставных рассказов иногда слабо связаны с общим содержанием. Какова бы ни была связь вставных рассказов с основным текстом, они всегда вносят свою долю, способствуя его украшению.

По своему характеру вставные эпизоды разделяются на отдельные группы. Их можно насчитать три.

К первой группе относятся те эпизоды, которые правильнее всего было бы назвать «новеллами». Содержание этих «новелл» разнообразно. Некоторые из них определенно приближаются к новеллам итальянского Возрождения, с которыми их прежде всего роднит «итальянская» тематика. Действие этих «новелл» происходит в Италии, действующие в них лица — итальянцы. И сюжет этих рассказов по своему характеру близок к сюжетам итальянских новелл. В них имеется и неверная жена, изменяющая мужу с его незаконным сыном, и выдавший их слуга, и просьбы жены за любимого, и суровая расправа мужа¹⁰⁰. В них говорится о бедствиях большого города, осажденного врагами и спасающегося выдачей врагам самой красивой в городе девушки¹⁰¹. В них рассказываются факты, позорящие духовенство¹⁰². Но трактовка этих сюжетов у Халкокондила своеобразна. В «итальянских» новеллах Халкокондила отсутствует беззабот-

⁸² Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 47.5.

⁸³ Ibid., p. 393.1.

⁸⁴ Ibid., p. 41.18.

⁸⁵ Ibid., p. 104.9.

⁸⁶ Ibid., p. 449.2.

⁸⁷ Ibid., p. 342.16.

⁸⁸ Ibid., p. 308.20 etc.

⁸⁹ Ibid., p. 408.19, 412.14.

⁹⁰ Ibid., p. 454.20, 486.20, 487.16 etc.

⁹¹ Ibid., p. 316.19.

⁹² Ibid., p. 289.14, 402.7.

⁹³ Ibid., p. 360.1.

⁹⁴ Ibid., p. 48.4.

⁹⁵ Названия отдельных рассказов даны автором статьи. У Халкокондила эти рассказы включены в общий текст.

⁹⁶ Ibid., p. 370.8—373.13.

⁹⁷ Ibid., p. 278.8—279.23.

⁹⁸ Ibid., p. 256.8—257.3 — „Волк“; p. 360.2—361.10 — „Заяц“.

⁹⁹ Ibid., p. 267.22—269.21 — „Смерть Ладислава“; p. 358.23—359.21 — „Единоборство“; p. 304.6 — „Предсказатель Иероним“; p. 288.10—290.22 — „Новелла о жене герцога д'Эсте“; p. 562.3 — „Бык“.

¹⁰⁰ Ibid., p. 288.9—290.18.

¹⁰¹ Ibid., p. 268.5.

¹⁰² Ibid., p. 302.16—304.5.

ное, радостное и легкое отношение к жизни, характерное для итальянской новеллы, даже имеющей печальный исход. Хотя Халкокондил и вводит иногда в свои «новеллы» элемент некоторой фривольности, характерный вообще для новелл Возрождения, он сопровождает это осуждением¹⁰³. Общий же тон «итальянских» новелл Халкокондила всегда серьезен, конфликт разрешается трагически: смертью наказывается за измену жена д'Эсте, смертью карается проступок Ладислава Неаполитанского¹⁰⁴.

Итальянской тематике посвящен и большой рассказ Халкокондила «Избрание пап»¹⁰⁵. Тематика этого рассказа — тематика Возрождения. Насмешка над духовенством и часто встречающимися в их среде неблагоприятными происшествиями нашла себе соответствующую параллель и в рассказе Халкокондила. Правда, мы не встретим у него ни веселого, ни негодующего смеха, так как ни то, ни другое не свойственно Халкокондилу, но он и не делает никаких попыток как-нибудь смягчить компрометирующие церковь рассказы.

Некоторые «новеллы» Халкокондил посвящает теме доблести. Так, например, в «новелле» «Волк» рисуется доблесть и ревностное усердие Гуниади, несмотря на все препятствия догнавшего и убившего волка и выполнившего этим данное ему приказание¹⁰⁶. Этой же теме посвящена и «новелла» «Единоборство»¹⁰⁷, в которой рассказывается о поединке между венгром и турком перед битвой на Косовом поле в 1448 г. Бой был жесток, и никто из противников не одержал верх. Халкокондил как будто не хочет гибели кого-либо из них, так как оба они проявили большое геройство.

Эпизод «Единоборство» дает Халкокондилу предлог рассказать еще одну «новеллу» о предопределении¹⁰⁸. Один турок однажды на охоте не смог убить спящего зайца, хотя и выпустил в него все свои стрелы. Проснувшийся заяц бросился бежать, и собаки, пущенные за ним, не смогли его догнать. Этот случай научил турка не бояться смерти, так как без воли рока, по его словам, она его не постигнет.

Теме «мудрости» посвящен рассказ «Винные ягоды»¹⁰⁹. Когда испанцы осаждали Гренаду, арабы до предела нагроулили винными ягодами двенадцать мулов и привели их в испанский лагерь к Альвару. В каждую ягоду было положено по арабскому золотому, который, по словам Халкокондила, равнялся двум венецианским¹¹⁰. «Возьмет Гренаду Альвар или нет — большего количества золота он не найдет в Гренаде. Но если он, — говорили люди, приведшие мулов, — Гренады не тронет, то может еще рассчитывать на то золото, которое прилетит арабам Ливия». Испанцы согласились с предложением арабов.

Очень хороши у Халкокондила «новеллы», посвященные приключенческой тематике, весьма распространенной во времена Возрождения. Из них особенно удачна «новелла», относящаяся к Гуниади¹¹¹ и оформленная в виде очень живого рассказа.

Спасаясь от преследований турок после битвы на Косовом поле, Гуниади пробирается к Белграду. Пробирается он один. Бросив свою лошадь, Гуниади идет пешком, но, заметив вдали турецкого всадника, прячется от него в болото. Едва миновала эта опасность, как немедленно

¹⁰³ Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 269.20.

¹⁰⁴ Ibid., p. 269.14.

¹⁰⁵ Ibid., p. 302.16.

¹⁰⁶ Ibid., p. 256.8—257.3.

¹⁰⁷ Ibid., p. 358.23—359.21.

¹⁰⁸ Ibid., p. 360.2—361.13.

¹⁰⁹ Ibid., p. 278.8—279.23.

¹¹⁰ Ibid., p. 278.21.

¹¹¹ Ibid., p. 370.8—373.13.

угрожает другая, на этот раз — от встретившихся сербов, которые хотят убить Гуниади. Это им не удастся. Все новые опасности преследуют беглеца: объявлено, что власти ищут бежавшего Гуниади, что всех венгров приказано задерживать для опознавания. Положение становится критическим. Мучит голод. Гуниади просит хлеба у двух работающих в поле крестьян-сербов. Те, увидав венгра, хотят передать его властям. Гуниади открывает им свое имя, обещает за хлеб и за помощь деньги и земли. Крестьяне соглашаются ему помочь, спрятать его, а затем показать дорогу на Белград. Они прячут Гуниади в саду, в сарае с мякиной. Но, поссорившись ночью друг с другом, они утром выдают Гуниади властям. Ему удается все же спастись и благополучно вернуться на родину.

Вторую группу вставных эпизодов составляют рассказы о пророчествах и чудесах. Их немного, так как сам Халкокондил в чудеса как будто и не верит, хотя и проявляет некоторую склонность к суеверию. К этому разряду вводных эпизодов можно отнести рассказ о пророчестве Сивиллы, будто бы правильно определившей число византийских императоров и патриархов и тем самым будто бы предсказавшей время гибели Константинополя¹¹².

К этой группе рассказов относится и рассказ о драконе, который съедал в Милане мужчин и не трогал женщин, и о том, как его уничтожил родоначальник правящего в Милане дома¹¹³. В рассказе «Бык» говорится о чудесном быке, который соединял тела перерубленных турками пополам защитников Метоны.

Рассказы о чудесах настолько не вяжутся со всем содержанием и тоном «Истории» Халкокондила, что приходится удивляться, почему они помещены. В известной мере их наличие можно объяснить тем, что Халкокондил сделал уступку вкусу читателя, ищущего в чтении развлекательности. Но то, что оказывалось уместным в «Хронике» Малалы и т. п., оказалось совершенно не на месте в таком произведении, как «История» Лаоника.

Третью группу вставных эпизодов составляют рассказы Халкокондила о различных народах. Это — яркие, самостоятельные и ценные по своему содержанию отрывки. В них говорится о разных странах, о населяющих эти страны народах, о занимаемой ими территории, об особенностях их быта и языка. Вводя такие рассказы, Халкокондил учитывал интерес своих современников к знакомству с различными странами мира. Ведь время жизни Халкокондила предшествовало времени великих географических открытий, а время его смерти совпало со временем открытия Америки. Наличие у Халкокондила таких описаний вполне закономерное явление для автора, стоящего на высоте современных ему интересов. В «Истории» Халкокондила упомянуто очень много стран. Он говорит об Англии¹¹⁴, Богемии¹¹⁵, Боснии¹¹⁶, Венгрии¹¹⁷, Германии¹¹⁸, Дании¹¹⁹, Испании¹²⁰, Литве¹²¹, Польше¹²², Пруссии¹²³, Португалии¹²⁴, России¹²⁵,

¹¹² Laon. Chalco. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 396.19.

¹¹³ Халкокондил называет его *Μαριόγγελλος* и считает по происхождению британцем. Ibid., p. 192.9.

¹¹⁴ Ibid., p. 92.8.

¹¹⁵ Ibid., p. 133.9.

¹¹⁶ Ibid., p. 248—10, 534.13.

¹¹⁷ Ibid., p. 72.8.

¹¹⁸ Ibid., p. 70.1.

¹¹⁹ Ibid., p. 77.7, 77.21.

¹²⁰ Ibid., p. 274.18, 467.10.

¹²¹ Ibid., p. 134.11.

¹²² Ibid., p. 134.1.

¹²³ Ibid., p. 132.11.

¹²⁴ Ibid., p. 275.5, 280.10.

¹²⁵ Ibid., p. 130.15.

Франции¹²⁶, говорит, хотя и значительно меньше, о Египте¹²⁷, Палестине¹²⁸, Сирии¹²⁹, Индии¹³⁰.

Рассказы о различных странах мира начинаются обычно с указания их границы. Очень часто называются те народы, которые соседствуют с данной страной. Большое внимание обращает Халкокондил на то, как управляется та или другая страна. Халкокондил считает нужным упомянуть и о языках разных народов, поставить их в связь с другими языками или, наоборот, указать на их различие между собой. Халкокондил, в частности, подчеркивает близкое родство различных славянских языков. Халкокондил хорошо разбирается в этих вопросах. Он считает одинаковыми языки Германии и Пруссии, видит сходство и различия между французским и итальянским, видит особенности английского. Близким к итальянскому, но очень испорченным, считает Халкокондил язык даков. Очень знаменательным является свидетельство Халкокондила о литовском языке: Халкокондил не может сблизить его с каким-либо другим, ему известным, что опять-таки указывает на его хорошие знания в области лингвистики.

В этих рассказах затрагиваются и особенности характера разных народов, говорится об их обычаях, оружии, быте. Особенно обращает на себя внимание интерес Халкокондила к городам. Он упоминает о больших и богатых городах Германии, Италии, Испании, Литвы, Пруссии, Франции. Отдельные самостоятельные рассказы посвящаются Венеции, Валенсии, Флоренции, Гренаде, Болонье. Халкокондил говорит и о городах Индии, Египта. Особенно подробны его сведения о Венеции, и в частности об организации в ней управления¹³¹. В связи с описанием Лондона Халкокондил останавливается на вопросе о причинах приливов и отливов¹³². И характерно: Халкокондил говорит об этом (о поднятии воды в Темзе) не просто как о каком-то удивительном явлении природы, а использует его как подходящий повод для философского размышления о проблеме движения вообще. Такой подход к явлению природы еще раз указывает на то, что при рассмотрении интересующих его вопросов Халкокондил стоял на уровне современной ему науки. Нельзя забывать, что он писал накануне открытия закона всемирного тяготения.

Таковы некоторые из особенностей исторического сочинения Лаоника Халкокондила, одного из самых выдающихся поздневизантийских историков.

¹²⁶ Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 85.5.

¹²⁷ Ibid., p. 142.19.

¹²⁸ Ibid., p. 142.23.

¹²⁹ Ibid., p. 125.2.

¹³⁰ Ibid., p. 163.6.

¹³¹ Ibid., p. 193.14.

¹³² Ibid., p. 94.9.